
К 400-ЛЕТИЮ ДОБРОВОЛЬНОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ БАШКИРИИ И КАБАРДЫ К РОССИИ

Р. Г. КУЗЕЕВ

БАШКИРСКИЕ ШЕЖЕРЕ О ПРИСОЕДИНЕНИИ БАШКИРИИ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ

В июне 1957 г. трудящиеся Башкирии торжественно отметили большой национальный праздник башкирского народа — 400-летие добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству.

Это событие имело глубоко прогрессивное значение для башкирского народа. Несмотря на жестокий гнет, которому подвергали трудящихся башкир русское самодержавие, помещики и капиталисты, общение с русским народом благотворно сказалось на развитии экономики и культуры башкирского народа.

За 400 лет, истекших с момента присоединения, развилась и прочно укрепилась братская дружба между русским и башкирским народами. Прогрессивное значение присоединения Башкирии к Русскому государству особенно ярко видно на фоне тех грандиозных успехов, которых достигла бывшая колониальная окраина царской империи за 40 лет советской власти. Благодаря бескорыстной помощи русского народа, русского рабочего класса, Башкирская АССР за эти годы превратилась в передовую индустриально-аграрную республику с высокоразвитой культурой, национальной по форме, социалистической по содержанию.

* * *

Башкирский народ, как и другие народы нашей страны, имеет длительную и богатую историю. История Башкирии до XVI в. — это история упорной и мужественной борьбы за независимость и свободу против многовекового гнета жестоких завоевателей. История Башкирии в XVI—XIX вв. — история борьбы трудящихся башкир против колониального, феодального и, позднее, капиталистического гнета. В процессе этой борьбы зародилась и окрепла та великая дружба с русским народом, которая, явившись поворотным этапом в исторической судьбе башкирского народа, нашла яркое выражение в победе Великой Октябрьской социалистической революции и бурном социалистическом развитии Башкирской Советской Автономной Республики.

Перед историками Башкирии стоит ответственная задача — рассказать современникам историю своего народа, от этапа к этапу проследить мужественную борьбу трудящихся за свободную и счастливую жизнь. Несмотря на то, что в последнее время создан ряд работ по истории Башкирии («Очерки по истории Башкирской АССР» т. I, ч. 1; исторические очерки «Советская Башкирия»; ряд монографий), историки Башкирии еще в большом долгу перед народом.

Целый ряд вопросов истории Башкирии остается слабо изученным. Особенно слабо изучены ранние периоды истории башкирского народа. До сих пор, например, мы очень мало знаем об истории формирования башкирской народности. Лишь по лаконичным сведениям легенд и преданий кое-что известно о мужественной борьбе башкирского народа против монгольского и ногайского господства в XIII—XVI вв. Историки Башкирии сравнительно недавно приступили к обстоятельному изучению важной проблемы возникновения и развития в башкирском обществе феодальных производственных отношений. Наконец, до недавнего времени лишь в общих чертах были известны события, связанные с переломным моментом в истории башкирского народа — добровольным присоединением Башкирии к Русскому государству. Ряд важных вопросов из истории присоединения Башкирии к Русскому государству длительное время был предметом острых споров, дискуссий. Еще сравнительно недавно многие историки отрицали добровольный характер присоединения Башкирии к Русскому государству¹ и утверждали, что Башкирия явилась объектом завоевания. Другие историки, хотя и признавали добровольность присоединения Башкирии к России, но считали, что движение за присоединение «не имело демократической основы», т. е. было по характеру не народным, а феодальным, что инициатором присоединения и основной движущей силой в этом деле была башкирская феодальная знать². Особенно много разногласий было вокруг вопросов, связанных с датой присоединения. Без достаточной аргументации «основной датой» присоединения назывались самые различные годы: 1552, 1553, 1554, 1555, 1556, 1557 и др. Лишь в общих чертах намечено обстоятельное, глубокое изучение таких вопросов, как условия присоединения, его историческое значение.

Основная причина слабой изученности ранних периодов истории башкирского народа, в частности истории присоединения Башкирии к Русскому государству, заключалась (и заключается) в недостатке выявленных источников. Историки Башкирии уже давно стоят перед необходимостью найти источники, при помощи которых можно было бы заполнить «белые пятна» в разработке истории Башкирии до XVII в. Поиски такой документальной базы дали неожиданные результаты. Оказалось, что в Башкирии существуют и долгое время находились в забвении интереснейшие документы, внимательное изучение которых может пролить свет на многие важные моменты из истории Башкирии XV—XVII вв. Эти документы — башкирские шежере.

Башкирские шежере — своеобразные письменные памятники истории башкирского народа XV—XVII, а иногда и более ранних веков. У башкир, как и у ряда других в прошлом кочевых скотоводческих народов, не имевших своей письменности, издавна существовал обычай составлять родословную своего рода, племени. Эти родословные первоначально включали имена биев — родоплеменных вождей. Каждый член рода хорошо знал свою родословную. Знания в этой области башкиры передавали детям, внукам. Шежере передавались от отцов к детям с более или менее подробными рассказами о событиях, которые случались при жизни того или иного бия. Постепенно шежере превратились в неписанную историю племени или рода. В XVI—XVII вв. и позднее, когда шежере многих родоплеменных групп башкир стали слишком громоздки, чтобы

¹ См. В. Филоненко, Башкиры, «Вестник Оренбургского учебного округа», Уфа, 1913, № 7—8, отд. 3, стр. 225—226; М. В. Флоринский, Башкирия и башкиры, «Вестник Европы», СПб., 1874, кн. XII, стр. 774; М. Любавский, Очерк башкирских восстаний в XVII и XVIII веках, Рукопись (см. А. Н. Усманов, Присоединение Башкирии к Московскому государству, Уфа, 1949, стр. 100); Р. Раимов, 1905 год в Башкирии, М., 1941, стр. 9; А. П. Чулошников, Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в., «Материалы по истории Башкирской АССР», ч. 1, М.—Л., 1936, стр. 23.

² См. Ш. И. Типеев, Об историческом значении присоединения Башкирии к Русскому государству, Газ. «Совет Башкортостаны» от 23 октября 1955 г.

удержаться целиком, без искажений в памяти отдельных людей, их стали записывать. Это означало, что шежере превращались в письменные документы, которые в ряде случаев сохранились до наших дней.

В XVI—XVII вв., да и позднее, вплоть до конца XIX в., башкирские шежере записывались арабским алфавитом на том своеобразном языке, который принято называть книжным языком «тюрки». В тексте наиболее старых шежере много арабизмов, фарсизмов, но в них же нередко встречаются слова и обороты, присущие только башкирскому языку. В этом отношении башкирские шежере представляют собой не только важный исторический источник, но и чрезвычайно интересный лингвистический памятник. Внимательное изучение специалистами-языковедами текстов шежере без всякого сомнения чрезвычайно поможет исследователям истории башкирского языка. Некоторые шежере, в частности шежере Усерганского рода, имеют стихотворную форму. Такие шежере представляют большой интерес как памятники народного устнопоэтического творчества.

В настоящее время известно о существовании 53 шежере. В основном это шежере юго-восточных и южных башкирских племен (кыпсак, бурзян, тамьян, тангаур, юрматы, мин и др.). Подобные шежере существовали у северо-восточных башкирских племен (ай, кудей, сальют и др.). Но многие из них до нас не дошли. Сохранились главным образом те шежере, которые были собраны или записаны еще в XIX в. Позднее, в связи с развитием капиталистических отношений, родовые традиции безвозвратно канули в прошлое. У молодежи постепенно исчезал интерес к истории своего рода. Более того, вскоре были забыты даже названия родов, к которым некогда принадлежали те или иные башкиры. В последние десятилетия, в связи с коренными общественными преобразованиями, традиции рода, его атрибуты и прочее стали далекой историей. Десятки шежере погибли, истлели, потому что часто их некому было уже передавать. Немало шежере было уничтожено в конце XIX и XX в. фанатиками родовых традиций, не желавших последнюю память о жизни дедов передавать в руки чуждой им по духу молодежи.

Подавляющее большинство известных башкирских шежере (35) хранится в рукописном фонде библиотеки Башкирского филиала АН СССР (БФАН). Наиболее значительны среди них шежере племен мин, кыпсак, серган, тамьян, тангаур. Большой интерес представляют также шежере абынцев и некоторые другие. До революции, в 1913—1914 гг., в журнале «Шуро» было опубликовано девять башкирских шежере. Однако особой ценности они не имеют. Гораздо интереснее шежере, опубликованные в 1927 г. в журнале «Башкорт аймағы» историком-краеведом Сагитом Мирасовым. Наибольшего внимания среди них заслуживает шежере племени юрматы, опубликованное с сохранением всех особенностей текста оригинала³. В этом же журнале Сагитом Мирасовым опубликовано еще одно башкирское шежере, которому он предпослал небольшую вводную статью с общей оценкой шежере.

Несколько шежере удалось приобрести сотрудникам Института истории, языка и литературы (ИИЯЛ) Башкирского филиала АН СССР во время их научных командировок в районы Башкирии. Так, интересное шежере юго-восточных башкирских племен удалось найти в 1955 г. Г. Калимуллину и Т. Г. Байшеву. Несколько шежере хранятся в Башкирском краеведческом музее и Центральном государственном архиве Башкирской АССР. Количество шежере, находящихся у частных лиц, до настоящего времени еще не учтено.

Ценность шежере весьма различна. Надо учесть, что немало их записывалось муллами, которые нередко были единственными грамотными людьми во всем роде. Одним из главных назначений шежере был рассказ о происхождении того или иного рода. Поэтому муллы нередко посвя-

³ Журн. «Башкорт аймағы», Уфа, 1927, № 4.

пили добрую половину шежере генеалогии пророков аллаха и их наместников, которые якобы являлись родоначальниками того или иного рода. Иногда шежере начинаются с Чингисхана. Составители шежере стремились доказать свое «родство» с легендарными личностями тюрко-монгольской истории. С другой стороны, наличие такой тенденции свидетельствует о том, что составители шежере, которые обычно были представителями господствующего класса, стремились распространять среди трудящихся башкир панисламистские, пантюркистские идеи. Естественно, что эти шежере не отражают исторической действительности и особой ценности не представляют. Однако в них имеются и некоторые полезные сведения, особенно в низших звеньях генеалогических таблиц. Но есть (и их немало) шежере, которые игнорируют представления Корана о происхождении племен или представления тюрко-монгольской мифологии о Чингисхане как родоначальнике многих народов. Эти шежере начинаются прямо с реальных личностей и с описания достоверных событий. Значение их трудно переоценить.

Достоверность некоторых шежере подтверждается другими историческими источниками. Так, например, сведения, содержащиеся в шежере «*Мең һазаклы Урдас-бей*», подтверждаются грамотой, выданной в 1671 г. царем Алексеем Михайловичем башкирам племени мин. Конечно, в башкирских шежере нередко искажены имена, даты, но задача исследователя в том и заключается, чтобы путем сравнения и внимательного изучения воссоздать реальную картину исторического процесса. Вполне понятно, что шежере как исторические документы, нередко составленные 200 и более лет тому назад, требуют к себе критического подхода. Только в этом случае они могут дать материал для изучения ряда вопросов истории Башкирии.

Башкирские шежере являются важным источником для изучения истории присоединения Башкирии к Русскому государству. Сведения по этому вопросу содержатся в 18 из собранных шежере. Шежере как источник для изучения истории присоединения Башкирии к Русскому государству впервые использовал А. Н. Усманов в своей работе, посвященной этому важнейшему для башкирского народа событию⁴. А. Н. Усманов привлек в основном два шежере: башкир-юрматынцев, опубликованное Сагитом Мирасовым в «Башкорт аймағы», и племени мин — «*Мең һазаклы Урдас-бей*». Оба они весьма ценны и интересны. Но, во-первых, при наличии целого ряда других шежере, эти два шежере не могут служить единственным источником по истории присоединения Башкирии к Русскому государству, а во-вторых, А. Н. Усманов, к сожалению, не использовал всех тех возможностей, которые давали его источники для исследования данного вопроса. Более того, некоторые сведения из этих двух шежере, как, например, дата присоединения, приняты некритически, что привело автора к неточностям. Изучение других известных башкирских шежере позволяет внести коррективы или дополнения в некоторые вопросы истории присоединения Башкирии к Русскому государству.

* * *

Присоединению Башкирии к Русскому государству предшествовала длительная и жестокая борьба башкирского народа против ногайского господства и против той части башкирских феодалов, которая поддерживала завоевателей. Эти события нашли достаточно подробное отражение в шежере юго-восточных и южных башкирских племен. В шежере башкир-минцев рассказывается, что незадолго до падения Казанского ханства башкирскими улусами племени мин, жившего по течению р. Демы, владельцы ногайские мурзы братья Аксак-Килембет и Кара-Килембет. Между ними началась междоусобная борьба: каждый из братьев претендовал на

⁴ А. Н. Усманов, Указ. раб.

полноту власти в этих улусах. Борьба была жестокая, она заставила немало башкир искать спокойствия и мира в чужих краях. «И здесь были битвы, и из этих земель ушли многие», — рассказывает шежере⁵. Междоусобная борьба ногайских феодалов втянула и башкир. Когда ногайцы в 40-х годах XVI в. решили частично откочевать на юг, в Прикаспийские степи, они пытались заставить перекочевать вместе с собой и башкир. Некоторая часть башкир действительно перекочевала в южные степи, но основное население оказало упорное сопротивление ногайцам. Башкиры не хотели покидать свою родину. Они использовали сложившуюся обстановку, чтобы сбросить ногайское иго. Шежере «Мең Һазаклы Урдас-бей» («Урдас-бий с тысячью воинов»), которое имеется в нескольких вариантах, рассказывает, что борьбу башкир против ногайских мурз возглавил Канзафар-бий — один из родоплеменных вождей минских башкир. Канзафар-бий призвал башкир не покидать свою страну. В длительной борьбе с ногайцами башкиры нередко одерживали верх.

Об аналогичных событиях повествуют шежере юрматынцев и юго-восточных башкирских племен. В шежере юрматынцев рассказывается, что до 1548 г. предводителем их был Бурнак-бий. Это были тяжелые времена: ногайцы разоряли и угнетали башкир; снежные зимы, холодные ветры губили скот и людей. Ногайские мурзы решили покинуть эти места и перекочевать на Кубань. Они пытались заставить перекочевать и юрматынцев. Однако юрматынцы не присоединились к ногайцам. Бурнак-бий сказал соплеменникам: «В мирные годы мы жили вместе. Теперь времена настали плохие, куда же нам идти?»⁶

Юго-восточным башкирам пришлось вести борьбу не только против ногайского господства, но и против засилья башкирских феодалов. Шежере юго-восточных башкирских племен рассказывает: «Некоторые [башкиры] от Бурсай-хана, некоторые от ногайского мурзы или Актуш-бия терпели гнет; когда стали невыносимы произвол и страдания, этого Бурсай-хана и бия Актуша поймали и отдали хану России Ивану Васильевичу»⁷.

Таким образом, борьба с ногайцами охватила минских и юрматынских башкир, юго-восточные племена, т. е. всю южную и центральную Башкирию. Борьба с ногайцами на этой огромной территории продолжалась многие десятилетия, то утихая, то разгораясь вновь.

В литературе распространено мнение, что борьба с ногайцами непосредственно предшествовала присоединению Башкирии к Русскому государству и что эта борьба завершилась присоединением. Это не совсем точно, хотя действительно борьба с ногайцами способствовала появлению и усилению тенденции к сближению башкир с Русским государством. Наиболее активный период борьбы башкир с ногайцами был в 40-х годах XVI в., примерно за десятилетие до присоединения Башкирии к Русскому государству. В одном из шежере говорится, например, что юго-восточные башкирские племена присоединились к России «после того как некоторые [башкиры] ходили на Кубань и снова оттуда вернулись»⁸. Это подтверждается и другими шежере, хотя бы уже упомянутыми шежере минцев и юрматынцев. Борьба с ногайцами в ее наиболее активный период проходила при Канзафар-бие — вожде минских башкир и Бурнак-бие — родоплеменном вожде юрматынцев. Посольства в Казань с просьбой о принятии в русское подданство ездили уже при их сыновьях, в частности при Татигас-бие, сыне Бурнака. У Канзафар-бия было четыре сына, один из которых также был в составе посольства. Наконец, можно сослаться еще на

⁵ Рукописный фонд библиотеки БФАН, шежере № 32. Здесь и дальше башкирские тексты даются в нашем переводе.

⁶ «Башкорт айманы», 1927, № 4, стр. 7.

⁷ Рукописный фонд ИИЯЛ БФАН, шежере башкир племен кыпсак, бурзян, тамьян и тангаур.

⁸ Рукописный фонд библиотеки БФАН, шежере № 15.

одно утверждение шежере минских башкир. В нем говорится, что после борьбы с ногайцами и ухода значительной части ногайцев на юг башкиры еще некоторое время продолжали платить ясак трем улусам. Шежере рассказывает: «...трем улусам платили ясак. Ясак сами отвозили для уплаты. Что может сделать небольшой народ?»⁹

Таким образом, между годами активной борьбы с ногайцами и поездкой башкирских послов в Казань прошло примерно десять лет. В это десятилетие борьба не прекращалась. Башкиры видели, что отдельные победы их над ногайцами непрочны, что достигнутый успех надо постоянно защищать. Все это подготовляло башкир к добровольному присоединению к Русскому государству. Этому способствовало еще одно обстоятельство. Ведя политику, направленную на укрепление позиций Русского государства на востоке, на завоевание и освоение новых земель, правительство Ивана IV не всегда прибегало к силе оружия. Русским дипломатам нередко удавалось, используя острые противоречия среди феодальной верхушки местных народов, путем обещаний и угроз заставить кочевых ханов признать русское подданство. Так, в частности, после взятия в 1552 г. Казани правительство Ивана IV взяло курс на мирное подчинение народов Казанского края, в том числе башкир. Такая политика диктовалась как внутренним, так и международным положением Русского государства в середине XVI века.

Рассчитывая на мирное подчинение Приуралья, правительство Ивана IV развернуло активную дипломатическую деятельность, стремясь привлечь к России симпатии народов этих земель, а также склонить на свою сторону феодальную верхушку башкир, татар, ногайцев и других, Иван IV разослал послов с грамотами, в которых призывал жителей этих земель присоединиться к России, обещая им мир и безопасность: «Идите к нам без ужаса и боязни,— говорилось в грамотах,— прошедшее забываем, ибо злодейство уже наказано. Платите мне, что вы платили царям Казанским»¹⁰. Царские послы были направлены во все земли, ко всем народам.

Упоминания о царских грамотах содержатся во многих башкирских шежере. В шежере племени юрматы, например, рассказывается, что царь после взятия Казани разослал в разные племена послов с письмами, где говорилось: «Пусть никто не убегает, не скрывается, пусть каждый сам соблюдает свою религию». Во многих шежере рассказывается, что башкиры ездили к русскому царю с просьбой принять их в подданство «после получения письма царского». Башкиры-юрматынцы, например, изъявили желание войти в состав Русского государства именно после получения царских грамот¹¹. В других шежере прямо не говорится об этих грамотах и их содержании, но по косвенным упоминаниям становится ясно, что именно царские грамоты ускорили поездку башкирских послов в Казань и присоединение башкир к Русскому государству. В одном из шежере, где речь идет о поездке послов нескольких башкирских племен в Казань, говорится: «прихода [послов] и сам [царь] желал»¹².

Шежере юго-восточных башкирских племен — кыпсак, бурзян, усерган, тамбян — существуют в нескольких вариантах. Почти в каждом из них есть упоминание об этих грамотах. В одном из вариантов говорится, что послы этих племен «по призыву царя Ивана Васильевича ходили в город Казань. Царь пригласил их, чтобы они вошли подданными в состав его владений»¹³. В другом варианте рассказывается: «от четырех племен [послы] ходили по призыву в город Казань к Ивану Васильевичу»¹⁴. Мож-

⁹ Рукописный фонд библиотеки БФАН, шежере № 15.

¹⁰ Н. М. Карамзин, История государства Российского, т. VIII, СПб., 1843, стр. 117.

¹¹ «Башкорт аймағы», 1927, № 4, стр. 4.

¹² «Башкорт аймағы», 1926, № 2, стр. 17.

¹³ Рукописный фонд библиотеки БФАН, шежере № 23.

¹⁴ Рукописный фонд ИИЯЛ БФАН, шежере № 12.

но было бы привести другие аналогичные примеры. Нет сомнения, что в каждом случае в шежере имеются в виду царские грамоты, направленные башкирам и другим народам, призывавшие добровольно войти в состав Русского государства. Эти грамоты и политика в целом московского правительства, направленная на мирное присоединение края, сыграли свою роль. Царские грамоты с обещаниями мира и спокойствия произвели большое впечатление на башкир, уставших от бесконечных войн, разбойничьих набегов и грабежей. Агитация феодалов, запугивающих башкир зверствами «неверных русских», национальными и религиозными притеснениями, уже не имела успеха.

Таким образом, по башкирским шежере достаточно ясно прослеживается, что борьба с ногайцами и внутренняя борьба в башкирском обществе в этот период, как и дипломатическая деятельность Русского государства, наряду с другими историческими условиями, способствовали добровольному присоединению Башкирии к России.

Шежере дают значительный материал и для установления даты присоединения.

В результате политической раздробленности Башкирии принятие русского подданства не могло произойти единым актом. Однако исторические условия, обусловившие добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству, в середине XVI в. настолько надели, что присоединение башкир произошло за сравнительно короткий период. В исторической литературе в качестве даты присоединения, ссылаясь на шежере, часто указывают 961-ый год (хиджры). Этим годом датируется присоединение минских, юрматынских, бурзянских и других башкир. Разными исследователями этот год переводится на христианское летосчисление по-разному: 1555 или 1556 годом. Между тем анализ показал, что датировка присоединения 961 годом не достоверна.

961-ый год упоминается в башкирских шежере семь раз. Только в одном случае, в шежере юрматынцев, более или менее определенно говорится, что 961-й год является датой присоединения башкир к Русскому государству. Во всех остальных случаях эта дата упоминается в связи со взятием Казани. Например, в шежере юго-восточных башкир говорится: «В 961 г. в месяце гакраб русские взяли город Казань... После этого от четырех племен четыре представителя... по зову Ивана Васильевича ходили в город Казань»¹⁵. То же сообщается в шежере минцев: «Был 961-ый год, год мыши, Казань русские взяли»¹⁶.

Таким образом, большинство шежере считает 961-й год годом взятия Казани. Однако 961-ый год хиджры, согласно синхронистическим таблицам последних выпусков, соответствует 1553—1554 гг. Известно, что Казань была взята 2 октября 1552 г. День и месяц взятия Казани совпадают с данными шежере (фарсидское название месяца гакраб соответствует октябрю). Но 1552-ой год не совпадает с 961 г. (1552-ой год соответствует 959 г. хиджры). В шежере говорится, что Казань была взята в год мыши. Годом мыши является 1552-ой год (или 959-ый год хиджры). Становится ясным, что в шежере правильно указан год по животному циклу, но неправильно — в переводе на мусульманское летосчисление. В этой путанице виноваты, видимо, авторы не башкирских, а татарских хроник, откуда башкирские летописцы часто черпали свои сведения. Дело в том, что авторы ряда татарских хроник годом взятия Казани также считают 961-ый год хиджры. В одной из них, например, говорится: «После того истребления русский хан, по хиджре в 961 году, в год мыши, во второй день созвездия Скорпиона, в воскресный день, а по-христиански в 1552 году, взявши Казань, вступил в управление Казанской областью»¹⁷. В татарской хронике содержится та же ошибка, что и в башкирских.

¹⁵ Рукописный фонд библиотеки БФАН, шежере № 23.

¹⁶ Там же, № 32.

¹⁷ «История Татарии в документах и материалах», М., 1937, стр. 95.

Таким образом, ясно, что 961-ый год не является датой присоединения Башкирии к Русскому государству. Чтобы избежать ошибки при определении даты присоединения, надо учесть сложившуюся после взятия Казани обстановку. В Казанском крае началось упорное сопротивление части феодалов русскому завоеванию. Это движение, в котором, кроме тагар, участвовали чуваша, мордва, удмурты и другие народы Среднего Поволжья, продолжалось, то угасая, то усиливаясь, вплоть до 1557 г., когда оно было окончательно подавлено. Это обстоятельство делает маловероятным предположение, что западные башкиры вошли в состав России вместе с Казанью в 1552 г. Если учесть, что Казань была взята только в конце 1552 г. и что в первые годы после этого происходило подавление движения и не могло быть уделено серьезного внимания Башкирии, то едва ли логично предполагать, что западные башкиры вошли в состав России уже в 1552 году.

В рукописном фонде ИИЯЛ БФАН имеется шежере гайнинцев (северо-западное башкирское племя), согласно которому они имели жалованную грамоту, выданную им в 1557 г. Иваном Грозным. По преданию, записанному в 1954 г. в Янаульском районе, один из родоначальников гайнинцев, Айзуак, ездил в Казань и привез оттуда грамоту, написанную на бересте¹⁸. Между вхождением в состав Русского государства и получением жалованной грамоты, которая была как бы юридическим оформлением факта присоединения, должен был пройти сравнительно небольшой период, поэтому в данном случае маловероятно, чтобы от присоединения до получения грамоты прошло пять лет.

Все это заставляет предполагать, что присоединение западной группы башкирских племен произошло позднее 1552 г., приблизительно в 1554—1555 гг. Такое предположение тем более вероятно, что западные башкиры и башкиры-минцы, присоединение которых к России точно датировано 1555 г., были связаны не только территориально, но и политически. Сомнительно, чтобы одно из самых крупных башкирских племен, тесно связанное со своими западными соседями, присоединилось к России только спустя три года после них. Напротив, следует думать, что присоединение башкир (как западных, так и юго-восточных) произошло за сравнительно короткий период, хотя и не одновременно. Надо учитывать, что к XVI в. процесс формирования башкирской народности был уже на стадии завершения, и это обстоятельство, наряду с экономическими и политическими факторами, имевшими весьма серьезное значение, способствовало довольно быстрому завершению присоединения башкир к Русскому государству.

Таким образом, есть все основания считать, что основная часть западных башкир изъявила желание войти в состав Русского государства в период 1554—1555 годов.

Присоединение башкир племени мин было следующим крупным шагом в этом процессе. В настоящее время известны два шежере минцев, где дата присоединения указана не по хиджре, а по христианскому летосчислению — 1555 год. В одном из них говорится: «В 1555 г. одиннадцать биев ходили к падишаху. Потомков этих биев называют минскими башкирами»¹⁹. Это свидетельство подтверждается другими данными. Вслед за минцами в состав Русского государства вошли юрматынцы, одно из крупных племен юго-востока. Ряд упоминаний в шежере юрматынцев дает основание предполагать, что они отправили посольство к «белому царю» в Казань вскоре вслед за минцами, не позднее конца 1555 года.

Следующим крупным этапом было одновременное присоединение к России группы юго-восточных племен: усерган, кыпсак, бурзян, тамьян. В трех из четырех известных нам шежере юго-восточных башкир фигу-

¹⁸ «Западный башкирский диалект. Отчет лингвистической экспедиции». Рукопись. Фонд ИИЯЛ БФАН, стр. 419.

¹⁹ Рукописный фонд библиотеки БФАН, шежере № 21.

рирует только одна дата — 961-ый год²⁰. В четвертом шежере говорится: «В 961 г. ...русские взяли Казань, после трех лет в 964 г. ...три рода, от тамьянцев. Шагали Шакман князь, от усерган — Бикбау князь, от кыпсак — Каракужа князь, ходили склонить голову Ивану Васильевичу»²¹. 964-ый год хиджры соответствует 1556—1557 гг. Однако у нас есть другие, более надежные данные. В шежере сказано, что упомянутые события произошли спустя три года после взятия Казани, т. е. в 1555 или в начале 1556 г. Это подтверждается и другими источниками; в одном из них, опубликованном в русском переводе, говорится, что «на третьем году после падения Казани» «из четырех родов башкирских, а именно: Усерганского — князь Бикбов, Кипчакского — князь Мушуллы Каракузак, Бурзянского — князь Искебей, Тамьянского — Шагали Шакман князь, по призыву ездили в Казань к государю царю и великому князю Ивану Васильевичу и просили о принятии с родами в подданство»²². Таким образом, если учесть, что Казань была взята осенью 1552 г., юго-восточные башкиры отправили послов в Казань в 1555 г. или (некоторые роды) не позднее начала 1556 года.

Поездкой послов башкирских племен в Казань и принятием ими там русского подданства процесс присоединения Башкирии к Русскому государству не завершился. В самом процессе присоединения Башкирии к Русскому государству прослеживаются два этапа. Первый этап — это поездка послов башкирских племен в Казань, где они «били челом» наместнику царя Ивана Грозного и «просили о принятии с родами в подданство». Эти события, как показано выше, произошли в основном в 1555 — начале 1556 г. В Казани башкирские послы и представители Русского государства договаривались об общих условиях присоединения: уплата ясака в царскую казну, закрепление за башкирами их земель, признание Россией внутренних обычаев башкир, их веры и т. д. В башкирских шежере довольно подробно освещаются переговоры в Казани. В шежере племен усерган, тамьян, кыпсак и бурзян рассказывается: «Упомянутый шах Иван Васильевич... дал слово нашему башкирскому народу не причинять горя. Особо договорившись о землях наших и религии, поклялись башкир-мусульман не насиловать в другую религию. Поклявшись в верной службе членов наших родов, чтобы соблюдать заключенные между нами условия под составленным указом друг у друга взяли подписи»²³. Башкиры, кроме того, обещали не выступать против России и некоторое время спустя направить посольство в Москву, к Ивану IV, за жалованными грамотами. До получения жалованных грамот в Казани оставались аманаты, чем гарантировалась верность башкир Русскому государству.

Башкиры направили свои посольства в Москву спустя примерно год после посещения Казани. Большинство посольств побывало в Москве в конце 1556 — первой половине 1557 г. Эти посольства привезли в Москву, кроме богатых подарков царю, первый ясак в царскую казну. В шежере, рассказывающем о присоединении к России юго-восточных башкир, говорится: «От богатств, которые имели на наших землях, ясак платили: некоторые мед, некоторые шкуры куниц, некоторые шкуры бобров и выдры»²⁴. У минских башкир, например, в ясак входили: 171 куница, 18 батманов меда²⁵; юрматынцы должны были платить в казну 100 куниц.

Жалованную грамоту, как правило, получало каждое племя. Царь «жаловал» башкир землями, т. е. закреплял за башкирскими племенами

²⁰ Рукописный фонд библиотеки БФАН, шежере №№ 3, 15, 23.

²¹ Там же, № 19.

²² «Материалы по географии и статистике России, собранные офицерами Генерального штаба», ч. II, СПб., 1866, Приложение 1, стр. 3—4.

²³ Рукописный фонд ИИЯЛ БФАН, шежере башкир племен кыпсак, бурзян, усерган и тамьян.

²⁴ Там же, шежере № 12.

²⁵ Рукописный фонд библиотеки БФАН, шежере № 32.

право владения теми землями, на которых они издавна жили. Получение жалованных грамот, в которых башкиры признавались подданными русского царя, и было вторым, заключительным этапом присоединения Башкирии к Русскому государству.

В присоединении Башкирии основной движущей силой выступили трудящиеся башкиры — наиболее многочисленный класс башкирского общества. Многие шежере свидетельствуют, что вопрос о присоединении к Русскому государству решался на народных собраниях. В шежере племени юрматы, например, рассказывается, что на народном собрании, на котором присутствовал «весь народ», вождь юрматынцев Татигас-бий обратился к присутствующим с вопросом: «Согласны ли вы быть подданными русского царя?». Народ ответил: «От всей души согласны и одобряем»²⁶.

За присоединение к Русскому государству выступила и значительная часть башкирских феодалов. Нет необходимости приводить документы в подтверждение этого. Почти во всех шежере говорится, и выше об этом упоминалось, что послами башкир к наместнику в Казани и к самому царю были бии, т. е. башкирская феодальная знать. К широкому народному движению за освобождение от господства завоевателей-ногайцев примкнула и часть феодалов, тогда еще в силу сохранения патриархально-родовых традиций не утративших известных связей с рядовыми башкирами. Вместе с тем башкирские феодалы, стремясь освободиться от господства ногайцев, рассчитывали, войдя в состав Русского государства, найти больший простор для реализации своих привилегий.

²⁶ «Башкорт аймағы», 1927, № 4, стр. 5.